

ТЕМА ХОЛОКОСТА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ГЮНТЕРА ГРАССА

*Валентина ТУРВИНЕНКО,
Библиотека им. И. Мангера*

Немцы должны задавать себе два вопроса в каждом поколении, в каждом десятилетии: почему это могло быть насильственным преступлением, почему Холокост мог быть именно в Германии?

Петер РЕЙХЕЛЬ

Гюнтер Грасс (1927-2015) был одним из самых известных авторов послевоенной немецкой литературы. Его наиболее важные работы включают в себя так называемую *Данцигскую трилогию*, то есть романы *Жестяной барабан* (*Die Blechtrommel*, 1959) и *Собачьи годы* (*Hundejahre*, 1963), а также повесть *Кошки-мышки* (*Katz und Maus*, 1961). Творчество и роль Грасса, как писателя и политического интеллектуала, были и остаются предметом обширных исследований, а также интереса со стороны средств массовой информации в Германии и за ее пределами. Центральной мотивацией его творчества была потеря родного Данцига и столкновение с национал-социалистическим прошлым, которое много раз отражалось в его работах. Он был политически активен и в течение длительного времени участвовал в предвыборных кампаниях СДПГ и зеленых. Книги Гюнтера Грасса были переведены на многочисленные языки и частично экранизированы. Он был удостоен множества литературных наград, а в 1999 году получил Нобелевскую премию по литературе.

Роман *Жестяной барабан* стал для Грасса первым опытом собственного осмысления исторической трагедии и исторической вины немецкого народа в контексте собственной личностной драмы. Эта книга – широкоформатное полотно. Речь в нем идет о Данциге, Холокосте, фашизме и войне. В центре романа совершенно непривычный герой – юный Оскар Маццерат, который родился на свет с невыносимым отвращением к окружающему миру. Он решает никак и никогда не участвовать в делах этого мира. В три года он перестает расти в знак протеста против жизни взрослых. И только подаренный матерью детский барабан примиряет его с жизнью. В барабанной дробь он находит свое прибежище, свой особый мир. Оскар

Мацерат никогда не расстается с игрушкой, выстукивая палочками все, что видит и слышит вокруг.

Дробь и треск грассовского барабана повергли нацию в шок. Кто барабанит?! Карлик, зловредный гном – не иначе! Кто же он, этот Оскар Мацерат, сознательно прекративший расти в возрасте трех лет? Не является ли это нелепым абсурдом под маской реальности? Писатель обращался к тем, чья верноподданническая психология способствовала приходу нацистов к власти. Грасс ворошил обывательские гнезда. Он был на стороне тех, кто признал вину немцев. Роман прозвучал горькой и издевательской насмешкой обманутого сына над промотавшимся отцом.

Первым в немецкой литературе Грасс рассказал о так называемой «хрустальной ночи». В этот день по всей Германии и в вольном городе Данциге горели синагоги. Писатель показал реакцию немецких обывателей на происходящее и резко осудил ее.

В романе создан гротескный образ соотечественников, избравших после войны позицию страуса. Не следует забывать, что роман создавался в годы, когда о преступлениях нацизма молчали, чтобы немцы не впали в депрессию под тяжестью вины. Даже термина «Холокост» в те годы еще не существовало. Грасс первым ударил в жестяной барабан.

Если проанализировать послевоенную печатную продукцию, то в ней невозможно будет найти никакого разоблачения военного преступления. В апреле 1978 года на экраны Германии вышел сериал голливудского режиссера Йена Хомски *Холокост*. В первый раз массовый немецкий зритель увидел страшную правду. Только после этого Германия обратилась к теме Холокоста.

Правда о Холокосте, пробудила в молодых немцах чувство вины. По суждению Грасса, война с наследием, с пережитками нацизма далеко не окончена. Но можно ли ожидать быстрой победы?

Тема Холокоста, а конкретно гибель еврейской общины Данцига – родного города Гюнтера Грасса – находится в центре его книги *Из дневника улитки (Aus dem Tagebuch einer Schnecke, 1972)*. В книге две сюжетные линии: рассказ об участии автора в предвыборной кампании 1965 года на стороне СПД пронизан эпизодами из прошлого и об уничтожении еврейской общины в Данциге. Обе истории он рассказывает

своим детям параллельно. Согласно переписи 1929 года, из 400 тысяч городского населения там проживало 10448 евреев. Начиная с 1930 года, демонстрации и митинги Национал-социалистической рабочей партии Германии проходили под девизом: «Евреи – наше несчастье!» Гонимые евреи – не просто фон, они вторгаются в современность и звучат как предостережение. «Нельзя допустить повторения преступного прошлого!» – эта мысль одушевляет книгу. Другой не менее важный вывод: уничтожая евреев, нацисты растлили душу народа, повязали немцев кровавой порукой. Грасс уверяет читателя: прогресс измеряется улиточной мерой.

С марта 1933 года начался бойкот еврейских магазинов. Врачи-евреи были уволены и исключены из общества врачей. Судебные чиновники без всяких объяснений были переведены на низшие должности. Права евреев постепенно урезали, пока не появились расистские законы, а пятью годами позже началось систематическое уничтожение людей. Исследователи подсчитали, что за первые годы нацизма было издано 1937 законов, директив, инструкций, предписаний и распоряжений всякого рода, определивших судьбу евреев в Третьем Рейхе.

Автору книги *Из дневника улитки* в 1937 году было десять лет. Он помнит, как в конце октября с базаров прогнали всех торговцев-евреев. «На всех базарах и торговых улицах Данцига разгул насилия принял общенародный размах», – свидетельствует писатель.

Когда 17 декабря 1938 года община приняла решение покинуть город, она должна была купить право на выезд в неизвестность. Евреи должны были продать за бесценок синагоги и земельные участки, включая кладбища. Вырученных денег на всех не хватило. Летом 1939 года удалось отправить в Лондон четыре партии еврейских детей – 122 человека. Лишь единицы из них смогли впоследствии увидеться со своими родителями. Через неделю после начала Второй мировой войны евреям Данцига было приказано покинуть квартиры и перебраться в еврейскую богадельню. Под гетто был переоборудован большой амбар на окраине. Некоторые покончили с собой. 26 августа 1940 года евреям Данцига было велено собраться у портовой столовой. Пришло 527 человек. Прежде всего, им предложили сдать все имеющиеся деньги. Затем процессия медленно двинулась к грузовой верфи, куда подходила железнодорожная ветка. Всю дорогу несчастных

изгоев сопровождали насмешки, улюлюканье и плевки бывших сограждан. Из тех, кого погрузили в вагоны для скота, мало кто выжил.

В январе 1942 года ушел из Данцига последний транспорт с евреями. Значительная их часть умерла в пути или вскоре после прибытия в этот город. Когда Данциг освободили, из щелей, подвалов, кладбищенских склепов выбралось на свет Божий двадцать выживших евреев. Двадцать из десяти тысяч...

Гюнтер Грасс, обращаясь к своим сыновьям, говорит: «Вы – не убийцы. Вы неповинны. И я, достаточно поздно родившийся, тоже считаюсь незапятнанным. Но только если я хотел бы забыть, а вы не хотели бы знать, как постепенно приходили к тому, к чему пришли, нас могут настичь простые слова: вина и стыд». Эти слова звучат сегодня куда актуальнее, чем во времена, когда они были сказаны. Сейчас на повестке дня стоит вопрос не о коллективной вине немцев, а о коллективной памяти.

Когда Вилли Брандт опустился на колени там, где прежде было Варшавское Гетто, рядом с ним был и Гюнтер Грасс. Немецкий писатель определил этот жест как «запоздалое признание нашей неизбывной вины». Но думать, что раскаяние может стать состоянием всего общества, не следует. И каяться немцам легче, чем евреям прощать.